

Николай Сергеевич Толстой

**Заволжская часть
Макарьевского уезда
Нижегородской губернии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Сергеевич Толстой**
Заволжская часть Макарьевского уезда Нижегородской губернии / Николай
Сергеевич Толстой – М.: Книга по Требованию, 2013. – 206 с.

ISBN 978-5-518-10940-7

ISBN 978-5-518-10940-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗАВОЛЖСКАЯ ЧАСТЬ МАКАРЬЕВСКАГО УЪЗДА, НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Во время составленія кадастровъ Нижегородской губерніи, я жилъ въ Заволжской части Макарьевскаго уѣзда, и какъ единственный помѣщикъ этого края, занимавшійся хлѣбопашествомъ и слѣдившій за промыслами, получилъ лично на свое имя приглашеніе уѣзднаго предводителя, доставить свѣдѣнія, входящія въ составъ поземельной описи этого края и собственно вотчины, въ которой я жилъ.

Сообщаю ниже, въ статьѣ о кадастрахъ, способъ составленія ихъ въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ мѣстностяхъ, ибо я принялъ предложеніе заняться этимъ дѣломъ, и кромѣ имѣнія жены, въ которомъ жилъ, обѣщаль дать кой-какія общія свѣдѣнія о нашемъ краѣ, называемомъ въ губернскомъ городѣ Нижегородскою Сибирью.

Не считая занимательными для читателей подробные кадастры, я рѣшился напечатать тѣ изъ доставленныхъ мною свѣдѣній, которыя могутъ имѣть общій интересъ, какъ всякое описаніе малоизвѣстной мѣстности, съ ея нравами, обычаями, торговлей и т. п.; къ этому я прибавилъ нѣкоторыя замѣчанія, не входящія въ составъ кадастровъ, но весьма интересныя.

Если не красно будетъ мое изложеніе, то пускай винятъ мою неспытность: я пожилой помѣщикъ и человекъ военный, учившійся больше шагистикѣ, чѣмъ краснорѣчію; но ссылаюсь, въ оправданіе своей рѣшимости, на общественную пользу *правдивыхъ* описаній. Я пишу лишь то, что видѣлъ самъ, на мѣстѣ, и за чѣмъ слѣдилъ не изъ простаго любопытства, но какъ помѣщикъ, слившій, по обстоятельствамъ и убѣжденію, всѣ интересы свои съ интересами сельскаго сословія.

Да не сочтутъ выраженіе это приступомъ къ защитѣ стариннаго быта и патріархальныхъ отношеній. Нѣтъ, идилліи меня не увлекаютъ, себялюбіе тоже; но обстоятельства дѣйствительно такъ устроились, что по понятіямъ моимъ, грѣшно противъ совѣсти и человечества жить, какъ многіе, безо всякаго дѣла, и пренебрегать обязанностями помѣщика.

БЫТЬ ОБЫВАТЕЛЕЙ.

Та часть уѣзда нашего, которая называется Ветлужскою, или Заволжскою, отброшена въ самый сѣверо-восточный уголь Нижегородской губерніи и по огромности своей граничитъ съ губерніями: Костромской, Вятской и Казанской. Но нѣсколько тысячъ душъ, въ томъ числѣ имѣніе жены моей, поселены на западной сторонѣ своего уѣзда и приближаются къ уѣздному городу и селу Лыскову на 60 верстѣ.

Лысково составляетъ пунктъ всѣхъ надеждъ, всѣхъ желаній всего Ветлужскаго края. Это обѣтованная земля крестьянъ нашихъ!.. Прямое, ближайшее съ нимъ сообщеніе есть верхъ благополучія, ими воображаемаго, и въ зимнее время они отстоятъ отъ него на 60, 70 и до 100 верстѣ; но въ лѣтнее и осеннее, покуда не совершенно промерзли болота, они отъ него удаляются въ обратномъ отношеніи къ своей зимней близости, т. е. кто отстоитъ на 60 верстѣ зимой, тотъ долженъ сдѣлать иногда 180, никогда менѣе 160 въ другое время года; а кто зимой отдаленъ на 100, тотъ лѣтомъ дѣлаетъ 140 и менѣе. Эго происходитъ отъ того, что лѣтомъ дѣлаютъ огромные объѣзды, а зимою есть прямая дорога, назы-

ваемая на Ялокшу, известная земской полициі по одному названію, которая сообщает весь уголь нашъ прямымъ путемъ отъ села Воскресенскаго съ селомъ Лысковымъ. Эта дорога лѣтомъ и осенью не проѣзжима, по причинѣ обширныхъ и вязкихъ болотъ. Болота находятся на казенной землѣ и всѣ поросли лѣсомъ, не имѣющимъ никакой цѣнности по дальности своей отъ сплавныхъ рѣкъ и по свойству самаго грунта, не допускающаго хорошей растительности: (лѣсъ по болоту растетъ приземистый, суковатый, крупнослойный и, поднявшись сажени двѣ, много три, отъ земли, начинается сохнуть). Употребить этотъ лѣсъ на мосты и валежные гати на тѣхъ же болотахъ, было бы дѣломъ крайне полезнымъ. А я слыхалъ не отъ одной сотни мужиковъ, что еслибъ было позволено замостить болото по Ялокшинскому тракту, какъ они его называютъ, то нашлось бы много рукъ, которыя пошли бы *натурой* для общепользнаго дѣла! Не стану указывать возможности и затрудненія въ производствѣ этой дороги: мое дѣло было указать ея выгоды и готовность народа для вспоможенія *натурой*, далѣе уже дѣло правительства, которое лучше знаетъ средства свои и возможности, а я лишь прибавлю, что тотъ, кто уладилъ бы это дѣло, заслужилъ бы благоговенія не одной тысячи себѣ подобныхъ.

Говоря о пользахъ этой дороги, не могу не рассказывать легенду, дающую поводъ къ устройству ея. Да и почему не почтить па-

мать благодѣтельнаго человѣка, хотя и низкаго происхожденія...

Давно тому дѣлу, какъ жилъ въ Сельскомъ Мазѣ (15 верстъ отъ Макарья) одинъ крестьянинъ, занимавшійся разной торговлей и имѣвшій частую нужду быть на Ветлугѣ. Крестьянинъ былъ смѣтливъ и попусту времени не тратилъ. По солнцу, по звѣздамъ, по разнымъ примѣтамъ, пробилъ онъ прямую тропу на Ветлугу и сталъ опереживать всѣхъ прочихъ торговцевъ. За смѣтливость и стараніе Богъ награждалъ его барышами, — разбогатѣлъ нашъ крестьянинъ. Наконецъ сталъ умирать нашъ крестьянинъ. Собралъ семью; собралъ весь міръ, и заповѣдалъ на сходкѣ, чтобъ дѣти его чрезъ всѣ болота набили сваекъ и на нихъ намостили ходни выше воды, и далъ на то денегъ. Я де нажилъ дѣсною тропою, пускай и люди по ней ходятъ и меня поминаютъ! . И долго поминали его люди! Мяръ его праху!... Съ тѣхъ поръ открылась дорога.

Не знаю какъ для другихъ, а для меня этотъ подвигъ простолюдина заслуживаетъ болѣе благодарности, нежели сооруженіе колодцевъ въ Мусульманскихъ стѣняхъ, хотя строители ихъ и уважаются тамъ какъ святые. Но тамъ это дѣло подстрекается фанатизмомъ, а тутъ темный крестьянинъ, безъ надежды на славу, заповѣдуетъ деньги на общую пользу, тогда какъ деньги часто у нихъ зарываются въ землю.

О невыгодахъ мѣстности нашей въ отно-

шеніи религіозномъ скажу, что расколы, старообрядства, дѣсныя скиты или схимы и наконецъ совершенное безвѣріе, замѣняемое странными повѣрьями, предрасудками, и даже чѣмъ-то похожимъ на идолопоклонство, все происходитъ отъ мѣстности, не позволяющей наблюдать за паствой.

Такъ, въ смертныхъ случаяхъ, душа умирающаго жаждетъ утѣшенія духовнаго, успокоенія совѣсти! А — рѣки разлились!—А церковь за 40 верстъ! Болота распустились!.. Дороги непроѣздимы!.. Духовника не будетъ!.. Причастія тоже!.. Пронестъ его нѣтъ никакой возможности,—и больной умираетъ безъ покаянія душевнаго!—Оно часто замѣняется какими нибудь нащептываніями и другими странностями; отсюда вкрашіяся злоупотребленія и обряды домашніе.

Здѣшній народъ, какъ и всѣ обитатели дѣсовъ, склоненъ къ таинственности, и потому всякая религіозная пропаганда, прикрытая неизвѣстностію и странвическимъ видомъ, распространяется чрезвычайно быстро, находитъ адитовъ и сообщаетъ изъ кельи въ келью, изъ деревни въ деревню, почти мгновенно и такъ скрытно, что развѣ черезъ весьма долгое время удастся услышать сбивчивые рассказы о прошедшемъ будто бы святомъ чловѣкѣ.

По этому поводу позволю себѣ высказать вѣсколько мыслей, основанныхъ на личвыхъ моихъ наблюденіяхъ:

Пропаганда, по мнѣнію моему, можетъ быть отражена лишь пропагандою, — т. е.

противъ распространителей раскола могутъ дѣйствовать распространители православія, или миссіонеры. Раскольники-пропагандисты дѣйствуютъ на мѣстныхъ жителей болѣе наружнымъ благочестіемъ таинственнаго появленія, странническимъ видомъ и убіеніемъ плоти, чѣмъ силою убѣжденія. Но нѣтъ сомнѣнія, что распространители православія, движимые силою вѣры, строго соблюдающіе уставы религіозные, привыкшіе къ лишеніямъ и готовые на всякую жертву ради православія, могутъ побѣдить лжеучителей.

Зная характеръ, развитую фантазію и вообще поэтическую натуру лѣсныхъ обитателей, я убѣжденъ, что миссіонерство обаятельно подѣйствуетъ на эти свѣжія, воспріимчивыя души, и будетъ вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ органомъ правительства противъ раскола.

Прежде всего необходимо поколебать и обращать женщинъ, ибо во всѣхъ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ, всегда встрѣтишь гораздо болѣе грамотныхъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ, что и показываетъ тонкое чутье раскольниковъ, скоро понявшихъ, что женщина, въ простомъ быту, несравненно сильнѣе вліяетъ на молодое поколѣніе, чѣмъ мужчина, озабоченный добываніемъ пищи тѣлесной, а не душевной, и что женщина, не отлучаясь отъ очага своего, дѣйствуетъ на юныя воспріимчивыя натуры дѣтей и подростковъ постоянно до вступленія ихъ въ рабочій возрастъ, когда нравственное об-

разованіе уже мало подвигается у простолюдина. Но и тогда, въ часы досуга, она поддерживаеъ ихъ въ своихъ вѣрованіяхъ. Вотъ почему, во всѣхъ старовѣрческихъ или раскольничьихъ селеніяхъ, на одного грамотнаго мужика същещь десять грамотныхъ бабъ или старицъ, знающихъ одну церковную грамоту и всегда вооруженныхъ нужными квігами.

Теперь раскажу нѣсколько примѣровъ удивительнаго спокойствія здѣшнихъ обитателей передъ смертію:

Разъ зашелъ я къ умирающему, нѣ богатому, но хорошему крестьянину. — При немъ были семья его и родственники, пришедшіе проститься. Между ними находился старикъ, ровесникъ отходящаго, который полусушливымъ, полусерьознымъ тономъ обратился ко мнѣ: Вотъ я батюшка, Николай Сергѣевичъ, старичку-то пѣняю!—Эку онъ нуду семьѣ-то дѣлать! — То-ли бо дѣло, какъ покуда мочь-то была, добрался-бъ до села, да въ загородѣ-бъ (на кладбищѣ) и скончался; — а то шутка ли дѣла! пора рабочья, въ лѣсу-то сокъ, а тутъ везитка его за 40 верстъ; да и гдѣ по немъ цѣлну гробовину сыскать—что ни есть саму лучшу колоду конну потратить вридется; вѣдь онъ самъ знашь ты какой, лѣшему подь стать, лошаденку-то замаеъ, а кабъ, до поры, до время меня послушалъ—такъ теперь бы безъ сухоты, ужъ на мѣстѣ былъ; такъ нѣтъ, батъ, подожду, поспѣю—вотъ и по пѣль. Ужъ видно безтолковый, безтол-

ковый и есть!» — Весь этот рассказ шель подлѣ умирающаго, который сердился не за самый упрекъ, но за то, что далъ право упрекать себя.

Въ другой разъ случилось мнѣ тоже зайти къ умирающему. — Этотъ отходилъ въ банѣ на полкѣ, и вся деревня приходила прощаться къ нему. Онъ лежалъ на боку, лицомъ къ входящимъ, и мощная натура его, невольно поразила меня. Жена сидѣла подлѣ него и, покачиваясь, голосила источнымъ голосомъ съ приговорами на распѣвъ.

Нѣкоторые изъ родныхъ начали уговаривать старуху, чтобъ неубивалась, но одинъ изъ родственниковъ, старикъ лѣтъ 65, еще бодрый и балагуръ, перебилъ ихъ такими словами: «Ну полно вамъ пустяки то баять! Какъ по экой натурѣ не убиваться—гдѣ она эку другу добудеть.—Вѣдь чѣмъ и жизнь-то ея красна была?—Не токмо она, самъ я на его-то природу мѣнка бѣ сдѣлалъ, да осмину гороху придачи бѣ далъ.—Вотъ што!» И всѣ присутствовавшіе, не исключая старухи жены и самого умирающаго, — сибѣлись и улыбались, весьма довольные шуткой, какъ будто подобная шутка совершенно умѣстна.

А чрезъ нѣсколько часовъ послѣ передачныхъ мною разговоровъ,—обоихъ умирающихъ, перваго и втораго уже не стало.

II.

СОБРАНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХЪ И ДРУГИХЪ
СВѢДѢНІЙ.

Многіе, не живавшіе въ имѣньяхъ своихъ и имѣющіе часто о сельскомъ бытѣ какое-то сказочное, туманное понятіе, вѣрятъ отъ души, что всѣ статистическія и другія свѣдѣнія, собираемыя на мѣстѣ, приблизительно вѣрны, и что по нимъ, безобидно и удовлетворительно опредѣлятся и уровнятся всѣ земскія и другія повинности.

Есть много скрытыхъ, задушевныхъ интересовъ, руководящихъ этимъ фантастическимъ описаніемъ, нерѣдко превращающимъ доли въ горы, а луга въ болота! Да и правду сказать, много ли у насъ специалистовъ, дѣльныхъ, трудолюбивыхъ и безкорыстныхъ, чтобъ описать и разъяснить, на примѣръ, кадастръ? Дѣло огромное, новое, почти лишенное пособій, противное невѣжеству, да грѣшнымъ дѣламъ и себялюбивому образованію, не всегда желающему, вредной для себя, пользы общественной!

Не стану входить въ подробности причинъ противодѣйствующихъ: смысленный чело-вѣкъ иное и самъ смекнетъ; но представлю два, три примѣра какъ началось это дѣло въ глуши лѣсовъ Заволожской Россіи: «Сижу я въ кабинетъ своемъ,» рассказывалъ одинъ пріятель мой, «и собираюсь толковать со